

Петр Дуткевич¹,
Винсент делла Сала²

ПОЛИТИКА БЕЗ ЦЕНТРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМНЫ И СТАБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ И ИТАЛИИ

Более десятилетия прошло с тех пор, как Томас Карозерс провозгласил конец парадигмы транзита, однако логика траектории демократизации продолжает преобладать в политических комментариях и научных исследованиях. Обсуждаются ли «отступления» от демократии, несбывшиеся надежды «арабской весны» или «путинской России», нарратив так или иначе связан с уже случившимся или чаемым приходом демократии. Литература, посвященная транзиту, прошла в своем развитии множество этапов и навлекла на себя справедливую критику. Были предприняты попытки ввести различные квалифицирующие определения, характеризующие слово «демократия» при описании государств, в которых процесс политических перемен не происходил в соответствии с либеральной парадигмой. Однако это порождает ложную дихотомию между странами переходного периода и устоявшимися либеральными демократиями, поскольку все государства находятся в состоянии транзита или непрерывных перемен. Это может означать движение к некой идеальной модели, а может и не подразумевать такого движения. Мы утверждаем, что разные государства, находящиеся в раз-

личных областях спектра «транзит–консолидация», могут проводить схожую политику в ответ на аналогичные факторы воздействия.

Хотелось бы дополнить критику публикаций, посвященных транзиту, аргументацией, включающей две части. Прежде всего мы изучаем вопрос о том, характеризуются ли государства, вне зависимости от того, можно ли поместить их в концептуальную схему транзита, тем, что называется «политика без центра», которая является результатом превалирования способов управления, рассматриваемых в качестве идеальных моделей управления в рыночной экономике. В современную эпоху политика в индустриально развитых обществах базируется на ряде исходных посылок:

— национальная идентичность и национальное государство являются источниками политической интеграции и общности;

— государство служит оплотом политической власти и управления социальной и экономической жизнью;

— легитимная власть в либеральной демократии выражается посредством формальных политических институтов, в особенности представительных собраний.

Эти центральные положения, сосредоточенные вокруг роли государства, служат целям выработки и активации норм и процессов для осуществления управления и регулирования направлений социальной и экономической жизни. Политическим властям становится все труднее определять политические сообщества из центра, устанавливать и поддерживать границы и использовать централизованную политическую власть для управления обществами, от которых власть, как представляется, все больше удаляется.

Наша вторая задача состоит в том, чтобы доказать, что, в отличие от концентрации на моделях политического развития на основе траекторий перехода к некоторому стандартному демократическому идеалу, более продуктивным подходом является рассмотрение того, как схемы политического развития порождают более глубинными процессами опустошения политических

¹ Директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН. Автор и редактор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Евразийская интеграция — взгляд изнутри» (соредактор), «22 идеи как исправить мир: беседы с известными мировыми мыслителями» (соредактор), «Новые технологии в общественном управлении в отражении канадского и российского опыта» (соредактор), «Демократия против модернизации, дилемма для России и мира» (соредактор), «Россия — проблемы преобразования» (соредактор), «Ювенальное правосудие в России» (в соавт.), «Новая Европа: влияние первого десятилетия. Варианты моделей» (соредактор). Соучредитель и член Валдайского клуба. Награжден орденом Дружбы (Россия). Удостоен премии Посольства Канады в РФ за выдающийся и продолжительный вклад в российско-канадские отношения, премии за передовой опыт исследований от Карлтонского факультета общественных дел.

² Профессор политологии Университета Тренто (Италия). Автор публикаций по политэкономии, европейской интеграции и демократической законности, в т. ч.: «Politics Without a Centre: Italy between Globalization and Europeanization», «Опыт ЕС гласит — стандарты варьируются очень широко» и др.

эпицентров. Россия и Италия — государства, находящиеся на разных концах спектра «транзит–консолидация». Первая традиционно служит примером того, как переход к либеральной демократии и рыночному капитализму стал далеко не плавным, если не сказать регрессивным, в то время как Италия дает пример послевоенной истории успеха, удачной трансформации аграрной экономики, восставшей из руин фашизма, в ведущую индустриальную экономику ЕС с консолидированной либеральной демократией. Мы проанализируем, обладают ли эти две различные системы общими чертами эрозии политической власти и осуществления политики без центра. Рассмотрим три сферы (представительство, управление экономикой и онтологическую безопасность), чтобы увидеть, приходят ли различные системы к общим результатам. Мы не утверждаем, что Италия скатывается к той или иной форме авторитаризма, или становится нелиберальной демократией, или что критика путинского режима обоснованна. Вместо этого мы хотим изучить вопрос о том, есть ли нечто такое в природе вызовов, сопряженных с осуществлением управления в условиях взаимозависимой глобальной экономики, что ведет к аналогичным типам реагирования в разных политических системах и политических элитах.

Политика без центра

Хотя управление и государство в современную эпоху приобретают множество форм и измерений, центральный нарратив остается достаточно последовательным: организация социальной и политической жизни должна исходить из центра, осуществляющего управление политическим сообществом. В данном случае ссылка на центр не связана особым образом с распределением конституционной власти между центром и периферией, но обусловлена Вестфальской концепцией государства как источника политической власти, а также онтологической безопасности политического сообщества. Политические сообщества организовали социальную и политическую жизнь с четко выраженными центральными узловыми точками, шла ли речь об определении членства в сообществе, аккумуляции и артикуляции политических интересов или управлении современными экономиками.

Эрозия авторитета политического центра в форме суверенной власти неизбежно влечет за собой дискуссию о роли государства. Мы не хотим погружаться в ведущиеся дебаты о состоянии государства. Вместо этого отметим, какие способы поведения характеризуют политиков без центра, на действиях которых сказываются ограничения возможности государства осуществлять монопольную политическую власть. Затем мы определим государство как средоточие политической жизни, даже в таких политиях, как Европейский Союз, где ключевые решения принимаются на национальном уровне. Однако государство ограничено в том, что оно может делать, как оно может определять коллективное благо и средства его обеспечения. Оно вытесняется из некоторых сфер (например, из управления экономикой), в то время как его возможности по осуществлению контроля над гражданами увели-

чиваются¹. Мы утверждаем, что можно приступить к сравнению различных политий на основании такой эрозии возможностей государства вне зависимости от их места в спектре транзита. Мы делаем это, анализируя ключевую роль государства в организации политической жизни в современную эпоху в таких областях, как представительство, управление экономикой, обеспечение онтологической безопасности.

Политическое представительство опирается на политическое представительство и артикуляции политических требований независимо от характера партийной системы². В политике без центра партии сталкиваются с такими вызовами, как технологии, изменение форм социальной организации, умаляющее важность партнерства как формы принадлежности, конец идеологии как коагулянта различных политических требований. Мы можем обнаружить признаки этой эрозии представительства в таких показателях, как сокращение участия в голосовании, фрагментация и неустойчивость партийных систем и персонализация партий.

Нелояльность избирателей и обществ, то, что Франческо Каваторта назвал «деполитизацией» общества, отчетливо прослеживается и в России, и в Италии³. В Италии уровень участия избирателей в процессе голосования достиг исторических минимумов, политические партии появляются и исчезают от одних выборов к следующим, избранные представители с легкостью меняют свою партийную принадлежность (более пятой части действующих членов парламента в настоящее время состоят не в той партии, от которой они избирались), все большее число избирателей отдают предпочтение протестным или популистским идеям. В России ситуация несколько иная, так как партии ослаблены конституционным устройством, однако также наблюдается эрозия политических партий. На смену центральной роли Коммунистической партии советской эпохи пришла политическая машина, в центре которой находится фигура президента. Общественные требования в настоящее время передаются посредством вновь созданных организаций гражданского общества, чья цель заключается в доведении этих требований до политических лидеров. И в Италии, и в России идеология, как клей, скрепляющий разнородные политические требования, оказалась разрушена и уступила место значительной изменчивости.

В управлении экономикой при ограниченности возможностей, доступных государственным деятелям, эрозия политического центра очевидна в наибольшей степени. Россия с ее ресурсной экономикой, которой, как представляется, управляет государство, также демонстрирует пример того, насколько ограничены возможности политического локуса по формированию экономики. Экономические показатели постсоветской России тесно увязаны с мировыми ценами на сырье-

¹ Jessop B. Towards a Schumpeterian Workfare State? // *Studies in Political Economy*. 1993. № 40. P. 7–39; *Ibid.* The Future of the Capitalist State. Oxford: Polity Press, 2002.

² Downs A. An Economic Theory of Democracy. N. Y.: Harper and Row, 1957; Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. N. Y.: Methuen, 1959.

³ Cavatorta F. The Convergence of Governance: Upgrading Authoritarianism in the Arab World and Downgrading Democracy Elsewhere? // *Middle East Critique*. 2010. № 19 (3). P. 217–232.

вые товары, а иллюзия частной собственности — с властными полномочиями и политическими требованиями. В Италии, как и в большей части еврозоны, локус экономического управления размыт многоуровневой структурой, в рамках которой денежно-кредитная политика осуществляется независимым Европейским центральным банком, а налоговая политика — государством, на которые европейские обязательства и институты наложили свои юридически обязывающие требования. В обоих случаях имеющиеся варианты ведения политики ограничены рыночными факторами и транснациональным давлением. В обоих случаях политическая повестка дня в части управления экономикой, как представляется, навязана и реализуется техническими элитами, демократический контроль которых затруднен.

Наконец, государство в современную эпоху играет ключевую роль в обеспечении онтологической безопасности определенных политических сообществ, то есть находится в центре практик, процедур и нарративов, помогающих определить, кто есть кто и почему этот кто-то является частью политического сообщества. В том смысле, в каком этот термин используют Гидденс и специалисты, занимающиеся изучением международных отношений, онтологическая безопасность означает чувство уверенности в собственной идентичности¹. Онтологическая безопасность подразумевает, что социальным акторам необходимо испытывать базовое доверие к устойчивости факторов, дающих им чувство идентичности, чтобы быть способными иметь общественные институты, формулировать цели, определять интересы и действовать стратегически. Эта устойчивость укоренена в привычке и рутине, а также в стабильности среды, определяющей идентичность. В политической системе без центра государству все сложнее обеспечивать эту форму безопасности. Оно сталкивается с вызовами по всем направлениям — со стороны местных и региональных локусов власти, рынков, новых форм политической идентичности и расплывчатости границ между государственной и частной властью. Эрозия политических центров также поднимает вопрос о том, какая форма политических режимов способна обеспечить онтологическую безопасность — демократия или авторитаризм.

Как в России, так и в Италии мы наблюдаем падение доверия к государственным институтам и политическим лидерам. Более того, региональные различия продолжают нарастать, в связи с чем все труднее увидеть государство осуществляющим практики, позволяющие ему формировать политическое сообщество. И дело не в том, что не хватает институтов или структур, а в том, что они не создают впечатления, будто способны решать проблемы и отвечать на запросы общества. Это порождает онтологическую неуверенность, поскольку политическое сообщество ищет альтернативные способы решения данных проблем — от локальных центров власти до частных решений.

¹ *Berenskoetter F.* Parameters of a National Biography // *European Journal of International Relations*. 2014. № 20 (1). P. 262–288 ; *Giddens A.* *Modernity and Self-Identity*. Cambridge : Polity Press, 1991 ; *Mitzen J.* *Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma* // *European Journal of International Relations*. 2006. № 12 (3). P. 341–370.

Результатом является дальнейшее размывание границ между государственной и частной властью, а также провоцирование подъема антиполитических движений.

Заключение

В своем политическом развитии Россия и Италия следуют двумя совершенно разными траекториями. Первую настойчиво записывают в разряд стран «переходного периода», обычно в качестве примера замедленной трансформации в действующую либеральную демократию с рыночной экономикой. Италия, с другой стороны, рассматривается в качестве консолидированного либерального демократического государства, включенного в процесс европейской интеграции, пожалуй, даже как олицетворение либеральной демократии и рыночного капитализма. Однако у этих стран есть общее: политические, социальные и экономические силы подрывают центральные, узловые точки управления в современную эпоху. В обоих примерах мы видим, что политические элиты борются за поиск новых способов обеспечения политического представительства общественных требований. Традиционные роли политических партий — аккумуляция и артикуляция этих требований — должны бороться с общественными ролями, которые гораздо более фрагментированы. Идеология и партийные структуры уступили дорогу новым формам политических сообществ, в которых акцент делается на персоналиях политиков и эфемерных вопросах. Возможности политического сообщества по формированию судьбы экономики и управлению ею в обоих случаях демонстрируют отсутствие руководящей роли политического центра. Правительства стараются бороться с последствиями того, что в экономику их стран проникают транснациональные капиталы и экономические потоки. Эта эрозия представительства и реагирования спровоцировала растущую онтологическую неуверенность, в обоих случаях проявленную в форме антиполитики.

К каким последствиям может привести эта политика без центра? Во-первых, она дает дополнительные аргументы в споре о том, что парадигма транзита не позволяет справиться со сложным взаимодействием различных факторов воздействия, оказываемого на государство в современном мире, и тем самым сокращает практическую ценность бинарной оппозиции «транзит–консолидация». Изучение способов, посредством которых государства реагируют на схожие вызовы, может помочь нам лучше разобраться в том, какие факторы политического развития являются «переходными», а какие представляют собой структурные черты управления в современную капиталистическую эпоху. Во-вторых, такое исследование может помочь нам лучше понять, что, возможно, на первый взгляд эфемерные явления вроде популизма гораздо глубже укоренены в природе современного общества. Если политические партии более не способны аккумулятировать требования и артикулировать их в виде четко определенной и последовательной политики, то какие формы представительства мы можем вообразить? В-третьих, оба примера показывают, что безопасность четко определенного политического сообщества не может приниматься как должное в этом политическом ландшафте, подверженном эрозии.